

Авто-биографические сведения о члене партии РКП /б/ Пермской организации № 6. 179851.

МИКОВА Алек андра Алексеевича 35 лет.

Пермской губ., Селикамского уезда, с. Пехвы, Преживающего в Перми на Пермской улице в доме № 85 кв. 6.

Родной отец мой происходил из крепостной семьи бывш. Гр. Стрелегановых /и родился в Пермской губ. в заводе Пехва приблизительно в 1859 или 60 годах. Отец его, мой дед, крепостной, насколько помнится, был на побегучках у какой-то влиятельной шпикши в малолетстве-де женитьбы-тоже на крепостной, девке по приказу этой "шпикши", жил на казенных харчах в барском доме, а затем, после женитьбы, видимо, за какую-то провинность, вскоре был сослан в солдаты, участвовал на Кавказе и других компаниях безпрерывно 25 лет, ниразу невидя своей молодой жены и родного деда. Когда дед возвратился домой с "Резервом" 3-й ст., чем он очень гордился, ему было уже около 40, а молодой жене под 37 л. Деда дед мой нашел скривив-уже великовозрастного сына лет под 25 уже в свою очередь женатого-моего отца, -и никак не мог понять: откуда взялся этот наследник. Помню, дед мой, а деда помню я хорошо, -маленьким внучком своим, мне и моему сестре, часто рассказывал про свое житье-бытье, как и где он участвовал в походах, помню, кажется, Суворова, как его нещадно бивали шпицтрудами, а раз даже велили сквазь стрей и т.д. Какие устаны видись взаимоотношения между отцом и сыном я хорошо не принимаю, но видимо, они были не из лучших, по крайней мере я об этом суку по последующей совместной жизни их, которой я был до некоторой степени малочеловечным наблюдателем. Дед, как я помню, имел основание сомневаться в истинном происхождении "своего наследника" как я уже говорил его зная в солдаты чуть ли не на другой день после свадьбы, а потому это обстоятельство было причиной всех последующих семейных перепраг и между ним и своим сыном моим отцом и бабушкой моей, его женой. Оба они были крепкими, которые были в той среде редкостью. Дед умер на 115 г., а бабушка моя в 1905 г. на 105 году своей жизни, вот почему я их хорошо и помню. Мой отец, когда ему было лет 12, был тоже где-то у мастера немца на побегучках, а затем отдан в ученье на завод, где и работал все время, дослужился до чина надсмотрщика, чин в то время немаленький, а затем и до полного-генерала мастера при заводе. Какой он был мастер по профессии, я хорошо уже сказать не могу, но судя по хранившимся у него за божницей, разным документам "мандатам и удостоверениям" выданным ему еще в периоды его ученичества, и затем и мастерства, он был мастером по литейной части, нето горшков или чурунов-хорошо непомню. Числился он хорошим мастером, по крайней мере в последние годы при службе на зав. Чусовая-об этом я твердо помню, им дорожили и зарабатывал он в то время большие деньги. Где и как я родился сказать трудно, но крестил меня пьяный поповик, вроде Лесковского, в заштатной церкви Чусовского кладбища в ночь на 27 декабря 1886 года, и тут при крещении со мной произошел ненадлежащий по обстановке и содержанию казус-который в последующее время при моем аресте и содержании под следствием в тюрьме в 1906 г. сыграл немаловажную роль, по пьяный перепутал имена по записи в книгу родившихся, мое имя и с другим ребенком, которого крестил одновременно в одной купели. Дело в том, что мои родители просили меня окрестить и назвать Константином, что поп и исполнил, а записал "Александр"-имя другого крещеного ребенка. Вот это обстоятельство и стоило мне двух лет лишнего проведенных в заключении под следствием, о чем я объясню ниже. Помнить я стал себя рано-на 5 году и эти ранние воспоминания детства своего я вспоминаю теперь с содроганием и ужасом. Первые же воспоминания мои о детстве связаны исключительно с картинками детских жестоких истязаний и побоев моих отцом моим, ставшим в то время алкоголиком и напивавшимся до потери сознания и белой горячки. Какие условия жизни сделали моего отца пьяницей-алкоголиком непомню, но склонен думать, что это было благоприобретенное. Дед мой водку не пил и был совершенно здоров, так же и бабушка, что указывает на их долговременную жизнь. Отец пьяный с 5 лет стал и вколачивать мне азбуку, только не коммунистическую, а березовую. Воспоминания эти раннего детства, как я уже упоминал, связаны исключительно с такими например картинками: я без штанов, о них я тогда и понятия не имел, -стою плачущий на столе, утирая кулачками слезы и подавляя спазмы, а пьяный отец изо всей мочи лупит меня по "мягким местам" дубовой линейкой как попало заставляя повторять за ним: "буки-аз...-ба" и т.д. Плачущая мать уговаривает его бросить и немучать ребенка-пьяный отец в раздражении кидается бить ее, мать бежит спасаться из дому к чужим людям. Ей вслед летят горшки, посуда, все что попадет под руки пьяному отцу и мне

22

с сестрой /она была на год старше меня/ остаемся во власти пьяного педагога-отца. На другой только день вернувшись в дом мать старается стереть всеми способами запись школьной учебы с наших мягких мест разными снадобьями и своими слезами. Вот эти картины раннего детства оставили неизгладимый отпечаток на моей детской душе, преждевременно отравив ее, искалечив, вызвав в последующее время глухую ненависть к своему отцу и безграничную симпатию к своей матери. Эта психологическая черта, которую я часто старался продумать, моей ранней жизни - также оставила неизгладимый отпечаток в свойствах моего характера и до сих пор эту обстановку раннего детства я считаю причиной своего пессимистического мироощущения, настроения и всего уклада моей жизни и в данное время. Правда, что в формировании моего "Я", моего характера и т.д. в период юности это была доминирующая причина, были и другие неблагоприятные условия жизни, помимо этих воспоминаний детства, которые в общем итоге и искалечили окончательно мое детство и юность: слишком плохие материальные условия жизни вообще, а на почве хронического недоедания-анемии, ранее развитая впечатлительность и общая развитость в сторону восприятия плохих сторон жизни и т.д. и т.д. все эти условия и создали из меня, с последующим длительным пребыванием в тюрьме и итоге, хронического неврастеника, каким я и являюсь в настоящее время. Выше я упомянул, что ненависть к отцу своему, первоначально появившаяся из воспоминаний своего детства в глухом неясном еще для меня чувстве в первые годы юности, а затем по мере развития моей детской наблюдательности над худшей стороной жизни, нашей семейной, постепенно выросшая и принявшая болезненную форму открытой нескрываемой вражды к нему в последующие юные годы, - сыграв в моей жизни немалую роль и теперь я об этой страшной по условиям и обстановке, своей жизни, вспоминаю с тяжелым чувством. Безразличное ли пьянство отца, или другие какие причины, и самое то пьянство-алкоголизм его, видимо, тоже был вызван чем-то, что подавило всю его волю и сознание и что осталось до сего времени для меня загадкой, сделали из отца моего, тоже до брака по словам матери, здорового детины, совершенно "лишним человеком" безвольным, безхарактерным, страдающим полным отсутствием воли, раздражительным и находившим утешение в одной бутылке водки. Были короткие промежутки спокойствия в его жизни и в одно из этих спокойных промежутков отец мой решил выехать из Богословского завода, где он был заведывающим электрической станцией или старшим контером - в Мотовилихинский завод. Событие это было в 1900 или 99 годах. Отец долгое время оставался без работы, средств лишних небыло и все же меня уже порядочно подготовленного "школьной учебой" и двухгодичным пребыванием в школе постарались устроить в 2-х классное министерское при Мотовилихинском заводе училище, которое я с трудом и кончил в 1902 или в 1901 г. хорошо не припомню, прбые в училище два года. Отец, как помню, оставался без занятий, не работал, все скудные сбережения от старых эконо мий заработка, прежних благополучных лет постепенно истощались. Шли на эти долгие годы страшно тяжело. Отец, кажется уезжал в Ташкент и жил около года-два там без всяких известий и мать умудрялась учить меня в школе, кормить семью на 10 коп. в день, состоящую из 4-х человек. Питались одним черным хлебом и картофель была лакомством. По выходе из школы, продолжать дальнейшее учение конечно было нельзя и мать даже и не помышляла об этом, все свою надежду на лучшую жизнь связывая с моим подрастанием и предстоящим моим заработком при заводе. Возвратился из путешествий и мой отец к этому времени, но о семье своей он и теперь не думал, продолжая долгое время оставаться на нашем иждивении, часто пропивая последний домашний скарб и каждую копейку. По окончании школы я поступил на завод учеником и получал 15 коп. в день плату зарабатывая вобщем по 5-6 руб. в месяц, что и явилось единственным ресурсом для семьи. Вот в этот тот период я и стал замечать над собой усиление недоброежелательства и глухой иногда к нему ненависти, за его безразличное отношение к нам, нежеланием помочь семье, полное равнодушие к нашему бедственному положению и за его поведение, что и явилось в конце концов полным разладом с ним, выразившимся в окончательный разрыв с ним. Отец объявил нам, что он уезжает от нас и более не вернется, что он и выполнил. Отца я более не видал. Семья перешла на мое исключительное иждивение 15-16 лет подростка. С этого времени начался новый для меня период жизни, более ответственный и тяжелый, но и более спокойный для меня лично душевно и для моей матери. С этого времени она как будто отдыхала душой и понимая ее душевное состояние я старался всеми силами обеспечить ее личную и внешнюю жизнь относительно более лучшими условиями жизни. Тяжелая обстановка прошедшей ранней жизни рано развила стремление понять жизнь, сосредоточила мою наблюдательность в сторону только одностороннего восприятия отрицательных сторон жизни - с детских лет я стал пессимистом, расположенным к нервному заболеванию, чуждым детского и юн ошеского возраста, играм и забавам, но с другой стороны, в своем поведении не соответствующим по содер-

жанию моему, возрасту и мне думается, что только это обстоятельство обусловило сравнительно раннее мое участие начавшихся в это время в 1902-3 году зачатках рабочего движения. Правда, это участие нельзя называть и участием, выражалось оно в большинстве случаев в инстинктивном только стремлении, я бы просто определил это состояние в большинстве простыми свойственным возрасту любопытством, как рабочего, а у меня, я это помню хорошо, чувство это социальной общности уже было и развивалось. Я был достаточно подготовлен психологически и общим относительным развитием, к восприятию тех новых для рабочего идей, каковые являлись в замкнутом еще пока ограниченном кругу рабочих, наиболее развитых и наиболее способных к их восприятию. К активной, в этот период я, конечно, был еще не способен работе и то, что появлялось в эти годы среди рабочих, что развивалось постепенно и выросло в то, что мы теперь переживаем, в сознательное отношение к окружающему, у меня в то время не было, да и думаю, и у большинства из нас, подростков, кто так или иначе был в эти годы так же как и я втянут силой инстинкта в зачатки рабочего водоворота-революции, вряд ли сознавали в своем сознании определенное объективирование этих стремлений, целей и способов и характер своего личного участия в этот период. Все это появилось в сознании лишь постепенно по мере дальнейшего развития рабочего движения в период 1904 и 5 г. когда это движение уже приняло определенные формы, стало могучим, вышло из затого замкнутого кружкового незначительного по количеству, размера и стало доступно для всех рабочих. В анкетах, которые часто приходится записывать, задаются обычно вопросы: когда вступил в партию, я почему, но думаю что этот вопрос у большинства нас, старых рабочих вызвал мучительный вопрос, а когда же действительно нужно определить этот момент. Какой применять к нему, этому признаку критерий. Тогда-ли когда возникла официально наша партия большевиков с Августа 1903 г. после с"езда /раскола/ или с момента возникновения в его сознании первого проблеска общности. В анкетах я обычно пишу что в партии с 1902 года, но это каждый раз заставляет меня мучительно думать над этим и краснеть за свою ложь, может быть и невольную. Сознание у меня проснулось в это уже время, правда в зачаточном виде, а активно прикинул к рабочему движению я только вначале или середине 1904 года. Если определить чем выразилось мое личное участие в два года до 1904 г. то сказать я затрудняюсь. Сознание проснулось, выражалось оно в захватывающее стремление понять его, выразить в более определенные ясные формы и понятия путем усиленного чтения соответствующей подпольной в то время литературы /книг/ по рабочему и др. вопросам, расширив свой умеренный кругозор, понять смысл жизни и социальных отношений и т.д. не более, но активного, сознательного уже отношения к этому-нет. А потому я более буду правдив, если этот момент вступления в партию, с которого я и должен начать свою Вами требуемую от меня автобиографию определенно и начну с 1904 года.

Ясно выразить момент активного своего участия в рабочем движении, когда ты получил аттестат полной зрелости на сознательность-довольно трудно. Он не выражается в форму экзаменационного акта, получения похвального листа при рекреации или нечто вроде этого, а постепенно выражаясь по мере роста сознания, в более сознательное отношение к окружающему незаметно переходит в активность. Этот момент я определяю и связываю с моим первым посещением кружкового собрания, а затем и посещения масовки, вначале /весной/ 1903 г. в Зав. Мотовилихе в лесу. Помню какое незабываемое впечатление произвело на меня это посещение масовки, речь ораторов /уже /вспомню кто именно был, а главное туту чисто психологическая сторона: консперативность сознания, ответственности и т.п., все эти элементы и дали могучий каждый внешний и субъективный толчок к дальнейшему активному участию. В дальнейшем в моем сознании явилась решимость и самому проявить активность и выразилась она в организации рабочих в кружки, распространение литературы среди них различными способами, организации занятий в этих кружках и т.д. Само собой то, что и лично сам старался развиваться настолько, чтобы не оставаться от общего уровня этих кружков, чтобы быть достаточно развитым в сравнении с каждым членом его и иметь право на руководство.

Кроме этого побуждения громадным стимулом в развитии собственного сознания играло роль хорошего подбора друзей-товарищей из рабочей среды наиболее однородных по развитию, свойствам характера и склонностям спаянных между собой дружбой и симпатией. Я помню хорошо этот период тесной кружковщины среди рабочих, и этот период должен быть отмечен, так как эти кружки рабочей интеллигентности впоследствии, в 1905 г., во время забастовок, той завидной пружиной, которая своей силой двигала рабочую Революцию, руководила ей, давала ей силу и смелых руководителей вожаков. Многих из них же нет в живых и вспоминая об этих друзьях-

ния-мне было всего 17 лет, то с 12 лет срока сбросили "одну степень" и ограничили 8 годами, которые я и отбыл в 1916 г. в Казани. Срок акторги отсылал я в разных тюрьмах, как местных Губернских, так и в Сибири. Большинство срока пробыл в Александровской, Иркутской губ., каторжном центре, в Иркутской тюрьме. Долгое время работал, еще не окончив исправляющегося срока, в кандалах, которые я носил около 3 1/2 лет, на постройке 2-й колеи ж.д. Круг-Байкальской ж.д. с 1909 по 1912 год. Затем за наказание препровожден был в Централ, где пробыл зиму, а весной в числе 1500 ч. каторжан с пересыльной части, из числа коих чел. 200 было политических, перебросан был на строящуюся Амурскую дорогу на р. Амур, где проработал в невероятных тяжелых условиях полтора года, и опять таки за провинность был наказан неоднократно розгами, и препровожден вновь в Александровский Централ. Следует отметить, что работая на этой ж.д. я был участником переговоров от своей каторжной команды с международно-й Комиссией красного креста, которая обследовала условия работ каторжан на этой ж.д. по поводу коих работ, зверских условий их, Английским Парламентом Русскому Царю была сделана интерpellация. Для характеристики тяжелых условий, в которые мы были поставлены, отмечу тот факт, что из всей массы работавших каторжан на протяжении этой ж.д. от Брестенска до Хабаровска-12 т. осталось, или вернее, оставили в живых только по истечении 2-х лет тысячи 2-не более. Все остальные легли в Тайге Амура, частью расстрелянные администрацией "целыми пацками" за какую либо пустяк, от злокачественной дизентерии, и сами кончили тяжелую жизнь самоубийством. По истечении срока-сослан был на поселение в Верхотурский уезд Иркутской губ. в Вирьяльскую вол., где и приписан, отсылв поселение до Революции 1917 г. весте с которой к нам дошла лишь в Марте м-це, выехал из ссылки только осенью в Сентябре и по прибытии в завод Мотовилиху поступил в завод рабочим в механический цех. Вскоре был назначен в следственную комиссию при Мотовилихинском Исполкоме, а затем Председателем 2-го уч. следственной комиссии при Окружном Суде /Пермском/, в которой и пробыл до эвакуации Перми в 1918 г. декабре месяце в Вятку. В г. Вятке работал в чрезвычайной Комиссии на должности заместителя Заведывающего Врлдич. отд., а затем Следователем Революционного Трибунала, в каковой должности и пробыл до возвращения в Пермь в августе 1919 г. избран был Пермским Революционным на эту же должность при Следств. Комиссии Перм. Революционного Трибунала а затем Председателем до 1920 г. мая м-ца. С этого времени мне поручено было организовать Отд. Военно-Революционного Трибунала каковой мной и был организован, в котором я и был председателем 8 месяцев, а затем до ликвидации его - Зампредседателем. В последующее за этия время-же в течении трех месяцев партийную работу в комиссиях по очистке членов партии, и назначен Губкомом в Ноябрье Заместителем Управ. Раб. Кр. Инспекцией в каковой должности и пробыл до мая 1920 г. перейдя затем вновь следователем при Пермском Губ. Революционном Трибунале.

Изложенные мной сведения о себе не являются конечно исчерпывающими; наложил я только незначительные из них, которые по моему мнению могут дать приблизительно понятие о моей личности. Полных биографических сведений о себе я дать не могу, ибо для этой цели мне пришлось бы ограничиться двумя-тремя листами, да они я думаю не нужны и не интересны для посторонних. Считаю к этому еще добавить лишь следующее: тяжелые условия жизни детства и юности, о которых приблизительно можно судить из приведенных мной данных; подготовили во мне почву к предположению к нервным заболеваниям. Тяжелые условия перенесенной каторги и ссылки в течении 10 лет 11 месяцев-создали из меня типичного неврастеника с душой исключительно и до сих пор, переживающей по следствия этих тяжелых условий, с окончательным атрофированием жажды к жизни, с тяжелым психическим сохранием своей никчемности и т.д. Настроения эти и склонность к выводу о своей неужности, питаются по моему мнению случайным совпадением избранной мной работы-следственной. Это обстоятельство фиксируя в моем сознании только отрицательные стороны жизни /оборотную сторону ее/ по причине моей впечатлительности, поддерживает во мне болезненно-приобретенное настроение пессимизма. Интересен я может быть только для патолога-психиатра, как интересный объект для изысканий.

4 Января 1923 года. А. МИКОВ, член партии РКП/б/ Пермской организации п.о. № 179851. г. Пермь.

В е р с и о: Зав. Учета том: *А. Миков* /АРМИКОВА/.